

ОТНОШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Принципы формирования идентифицирующего значения

Акт идентификации устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта. Идентификация есть итог сличения результатов разного знания, прямого или опосредованного.

Человек (в отличие от многих животных) отождествляет окружающие его объекты прежде всего по визуальным воспринимаемым признакам. Именно задаче идентификации люди обязаны необыкновенным развитием зрительной наблюдательности: способность человека выделять черты, дифференцирующие между собой однородные объекты, выработана потребностью их узнавания, причем взгляд наш натренирован на различение прежде всего тех объектов, которые важно не перепутать. Естественно, что такими объектами являются в первую очередь люди.

Зависимость «порога различения» от нужд идентификации можно подтвердить следующим примером. Чешский коллега Б. рассказал однажды о том, как один японец, женившись на чешке и проведя год в Чехословакии, почувствовал себя близким к психическому заболеванию от того, что все чехи казались ему на одно лицо, украшенное непомерно большим носом. Эта последняя особенность, которая бросилась ему в глаза, так как отличала чехов от японцев, мешала ему замечать менее явные признаки, различающие чехов между собой. Подавленный, японец уехал с женой к себе на родину.

Вскоре жертвой депрессии оказалась чешка, которая не могла отличить одного японца от другого, поскольку ее взгляд выделял в их наружности только интегральные, но отнюдь не дифференциальные признаки. Таким образом, порог различения, а следовательно, и степень нашей наблюдательности всецело определяется повседневными потребностями.

Приведенный пример, между прочим, показывает, сколь велика та роль, которую играет в нашей жизни способность отождествлять и различать физические объекты. Утрата или притупление этой способности может вызвать не только психологический дискомфорт, но и психическое заболевание.

То, что мы автоматически узнаем друг друга, есть результат постоянного упражнения зрения и слуха. Но даже при натренированном глазе человек не всегда справляется с задачей правильного установления тождества объекта. Десятки факторов вольно или невольно затрудняют эту задачу: время, меняющее облик человека, нарочитое изменение внешности или голоса, грим, модифицирующий наружность актера, маска, скрывающая лицо на маскараде — празднике «тайны личности», существование близнецов, двойников и внешне сходных людей. Кроме того, есть обстоятельства, заставляющие человека пожелать остаться неузнанным, а, следовательно, многочисленные специальные способы избежать опознания. Последние вызывают необходимость в контрприемах, позволяющих однозначно установить личность человека.

Не приходится говорить о том, насколько существенна задача правильной идентификации лица. О возможных последствиях ошибок в этой области можно судить, например, по трагическому финалу «Маскарада» или по комическим ситуациям «Ревизора», возникшим в результате *qui pro quo*. Ложные идентификации создают такое множество разнообразных жизненных положений, что не случайно «коллизия неузнавания» является одной из важных составляющих сюжетосложения. В этом можно убедиться хотя бы по тому, что названный прием присутствует почти во всех повестях Пушкина, ср. Дубровский и Дефорж. Лиза и Акулина, вожатый и Пугачев, неизвестная дама и Екатерина II, враг Сильвио и сосед рассказчика в «Выстреле», кухарка и гусар в «Домике в Коломне»; сюжет «Метели» держится на том, что Бурмин и Марья Гав-

риловна не сразу узнают друг друга и как только это происходит наступает счастливая развязка.

Неудивительно, таким образом, что в языках существуют не только многочисленные лексические средства, позволяющие сделать сообщение о тождестве объекта, но и специальная синтаксическая модель, по которой конструируются предложения тождества.

* * *

Для того чтобы выявить некоторые общие принципы установления тождества и их отношение к формированию в речи идентифицирующего значения проанализируем хорошо всем известную сцену встречи Татьяны и Онегина на балу. Напомним пушкинские строки:

Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послем испанским говорит?
Князь на Онегина глядит.
— Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я. —
Да кто ж она? — Жена моя.

Так ты женат! Не знал я ране!
Давно ли? — Около двух лет.
На ком? — На Лариной. — Татьяне!
Ты ей знаком? — Я им сосед.

Пораженный переменой, происшедшей в Татьяне (ср. *Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою вошла!*), и не веря глазам своим, Онегин обращается за подтверждением своей догадки к князю: *Скажи мне, князь, не знаешь ты, | Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит?* Нет сомнения в том, что это предложение, оформленное как частный вопрос, имеющий своей целью выяснить, кто именно осуществляет указанное действие (т. е. разговаривает с послем Испании), является вопросом идентификации. Это заметно уже по тому, что соотносительное с этим вопросом повествовательное предложение кажется не вполне осмысленным. Ср. *Татьяна там в малиновом берете разговаривает с испанским послем.* В нем вызывает удивление объединенность в сказуемом (и реме) логически не связанных друг с другом значений —

«разговора с послом» и «малинового берета». Преобразование вопросительного предложения в повествовательное делает очевидным различие в семантических принципах построения сказуемого в зависимости от выполняемых им в высказывании коммуникативных функций.

Не случайно приведенная строка иногда ошибочно цитируется как *Кто та в малиновом берете ...* Неточность проистекает из желания приблизить вопрос к структуре предложений тождества, т. е. опереться на модель типа *Кто та женщина, на которой надет малиновый берет и которая разговаривает с испанским послом?* Такая перифразировка делает очевидным, что и разговор с послом, и малиновый берет, синтаксически присоединенный, в нарушение правил сочетаемости, к вопросительному слову (*кто в малиновом берете говорит ...*), представляют собой не более, чем н е з а в и с и м ы е друг от друга опознавательные приметы, служащие для того, чтобы адресат понял, о ком спрашивает его Онегин. Вопросы идентификации характеризуются тем, что в них к вопросительному слову может примыкать дейктическое местоимение, а также определения, эксплицирующие признаки объекта. Ср. *Кто это в синем костюме с тобой вчера разговаривал? Что это в таком большом пакете было у тебя в руках, когда ты выходил из дома?* Такая сочетаемость распространена в разговорной речи.

Идентифицирующая часть предложения, как показывает вопрос Онегина, может объединять логически независимые друг от друга, не образующие иерархической системы компоненты значения. При этом количество семантических (и синтаксических) элементов, входящих в индивидуализирующую дескрипцию, безразлично для содержания высказывания: идентификация предмета речи может быть достигнута и при помощи одного признака, и вообще без обращения к значению (т. е. прямым указанием на предмет). Кроме того, как явствует из вопроса Онегина, приметы, наилучшим образом удовлетворяющие задаче отождествления объекта в ситуации его присутствия, совсем не обязательно должны быть постоянными и типическими его чертами. В следующем разговоре Онегина с Ленским указание на типические черты лица подкреплено более надежными для достижения целей идентификации ситуативными признаками: *Скажи: которая Татьяна? | — Да та, которая грустна | И молчалива*

как Светлана! Вошла и села у окна. Объединяя в идентифицирующей дескрипции типические и ситуативные черты, автор устанавливает между ними внутреннюю связь: действие Татьяны вытекает из ее характера, согласуется с ним.

Итак, в принципе идентифицирующими могут быть случайные, временные и даже не характерные для данного лица или предмета признаки. К ним предъявляется лишь требование выделительности, отличия от соприствующих объектов одного класса с данным. В ситуации отсутствия предмета речи может оказаться желательным указание на его более типические черты или постоянные свойства. На основании сообщенных ему «особых примет» адресат выделяет из области наблюдения и знания объект речи. Проблема отождествления, таким образом, имеет прямое отношение к формированию семантики темы сообщения. Последняя, как известно и как показывает вопрос Онегина, может быть выражена сказуемым русского предложения, в частности глаголом в личной форме. В этом случае предикативная функция преобразуется в идентифицирующую и высказывание, сохраняя субъектно-предикатную структуру, уже не содержит сообщения о признаках предмета. Изменение функции глагольного сказуемого ведет к тому, что оно формируется на базе известного, данного, реализуя тем самым семантический принцип построения темы.

Правильность нашего предположения относительно функции глагола в реплике Онегина подтверждается структурой переспроса, образованного по типу предложений тождества. Онегин повторяет свой вопрос в иной синтаксической форме: *Да кто ж она?*

Идентифицировав незнакомку в глазах своего собеседника на основании ситуативных признаков, Онегин ждет этой же услуги от князя, т. е. он просит князя сообщить какие-либо признаки дамы, известные Онегину по прошлому опыту. Однако собеседник, который неожиданно оказался супругом дамы, отвечает лаконично: — *Жена моя.*

Указав на роль собеседницы испанского посла в своей жизни, князь не прояснил, однако, ситуации для Онегина, так как он заменил одно неизвестное другим: Онегин ведь ничего не знал о женитьбе князя и, следовательно, о личности его жены. Ошибка в выборе идентифицирующей

описания (предположим, она была вызвана чувством гордости князя или желанием предупредить неуместные высказывания о Татьяне) показывает, что в предложениях тождества, в отличие от прочих видов высказываний, не только тема, но и рема должна содержать указание на известные адресату признаки предмета. Если значение ремы не относится к фонду общих знаний собеседников, то предложение тождества не выполняет своего коммуникативного задания.

С другой стороны, неудовлетворительность ответа князя можно объяснить и тем, что он неверно понял коммуникативную значимость вопроса. Русские вопросы приведенного образца употребляются в поисках информации двух родов: вопросительное местоимение в них может относиться к «анкетным данным» о лице — его социальной функции, связям с другими лицами и пр. (т. е. иметь атрибутивное значение) и к самой «субстанции» лица (т. е. иметь идентифицирующее значение). Ср. *Кто это? — Это мой брат (один наш сотрудник, известный в нашем городе поэт, наш сосед)* и *Кто это? — Это Ролан Быков, а тот выше — Банионис.*

Таким образом, неудачность или, собственно, недостаточность ответа князя может иметь двойное объяснение: либо, в нарушение семантических правил коммуникации, он построил идентифицирующую дескрипцию на признаке, Онегину неизвестном, либо он неверно истолковал коммуникативное задание вопроса.

Не получив нужного ответа, Онегин в третий раз спрашивает князя: *На ком?* (т. е. на ком князь женат). Этот вопрос возвращает нас к роли идентификации в формировании речевого значения темы сообщения. Частный вопрос, относящийся к жене князя, на самом деле содержит требование идентифицировать личность дамы, увиденной Онегиным на балу. Это ясно уже по тому, что Онегин собственно видит своими глазами, на ком женат князь. Реплика Онегина показывает, что вопрос, цель которого состоит в идентификации объекта (в данном случае лица) может в принципе базироваться на любом сказуемом, поскольку это последнее нужно лишь для того, чтобы адресат уяснил себе, о ком идет речь. В этом смысле вопросы *Кто говорит с посланцем Испании? Кто вышел сейчас из зала? Кому поцеловал руку Князь N? Перед кем склонился князь NN?* и т. п., варьируясь в зависимости от ситуации речи,

имеют одну и ту же коммуникативную значимость, о чем свидетельствует тот факт, что всем им удовлетворяет один ответ.

Вопрос *На ком ты женат?*, однако, отличен от приведенной серии: он требует идентифицировать даму по тем признакам, которые характеризовали ее до замужества, например, указать ее девичью фамилию. Именно такой ответ и нужен был Онегину. Поэтому он вполне уместно переформулировал свой первоначальный вопрос, поставил его иначе, и получил на него более удовлетворительный, почти однозначный ответ: *На Лариной*. Реплика князя скрывает за собой предложение тождества: *Женщина, на которой я женат, — Ларина*. Наконец, полувосклицание-полувопрос Онегина *Татьяне!* призван окончательно рассеять сомнения в том, что перед ним та, «которой он наедине... читал когда-то наставленья».

Таким образом, в приведенной сцене три вопроса Онегина (в особенности первый и третий) позволяют увидеть роль принципов идентификации в формировании темы сообщения (в том числе и «левого» члена предложений тождества), а два ответа князя иллюстрируют закономерности построения ремы, или «правого» фланга, предложений тождества. Для большей ясности к ответам князя можно присоединить и приведенный выше ответ Ленского.

При выборе идентифицирующих признаков придется избегать субъективно-оценочных значений. Так, вопрос *Кто та прелестная девушка, которая была вчера на вечере?* может повести к недоразумению, поскольку говорящий рискует разойтись во вкусах с адресатом. Гораздо надежнее задать вопрос, например, так: *Кто та девушка в лиловом платье (с русыми косами, с родинкой на щеке и пр.), которая была вчера на вечере?*

Оставив в стороне использование имен собственных и местоимений, столь уместное в ситуации отождествления, и обратившись к значению тематической части высказывания, можно заметить, что оно складывается из необязательно логически между собой связанных, гетерогенных, варьирующихся по количеству, индивидуализирующих по отношению к денотату, максимально объективных компонентов, выбор которых обусловлен прагматически и к которым предъявляется требование известности собеседнику.

Указанные семантические свойства присущитеме любого сообщения. В предложениях тождества оба основных члена — и тема, и рема — построены по сходному семантическому канону: ни та, ни другая часть предложения не заключает в себе новой информации, новым в предложениях тождества является лишь само это отношение (о структуре идентифицирующего значения на уровне языка, т. е. в лексике, см. в гл. VI).

Типы ситуаций идентификации

В зависимости от характера сопоставляемого опыта выделяются различные типы ситуаций идентификации. Рассмотрим некоторые из них.

1. Ситуация детективного поиска.

Отношения тождества опираются на предпосылку существования некоторого лица или предмета. В данной ситуации факт существования идентифицируемого объекта вытекает из сведений о совершившемся событии. Если случилось некоторое происшествие, предполагающее участие лиц (например, было совершено ограбление), то должен существовать грабитель. Если выполнена некоторая работа, то существует ее исполнитель. Если в театрах ставят трагедии «Гамлет» и «Король Лир», то правомерно обсуждать вопрос об их атрибуции. Любознательность Георга IV, пожелавшего узнать, кто является автором «Ваверлея», не была беспредметна.

Ситуацию детективного поиска можно проиллюстрировать следующим примером. Допустим известно, что кто-то убил старуху-процентщицу. По ряду признаков, накопленных в процессе расследования, было установлено, что преступником является Раскольников. Личность убийцы была тем самым идентифицирована: — *Как кто убил? — переговорил он [Порфирий Петрович], точно не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романович! Вы и убили-с ... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом (Достоевский).*

Приведенная иллюстрация не только раскрывает цель детективного поиска, она одновременно указывает и на тот тип высказываний, который наилучшим образом передает данный вид идентифицирующих отношений. Это высказывания, служащие ответом на явный или неявный ча-

стный вопрос, относящийся к актанту. В русском языке они обычно создаются средствами актуального синтаксиса, придающего функцию темы глаголу в личной форме, и выделяющего в качестве ремы имя конкретного объекта. Ср. *Оказалось, что старуху убил Раскольников* (= убийца старухи есть Раскольников); *Кто пришел? Пришел Коля* (= тот, кто пришел, есть Коля; пришедший идентичен Коле); *На кого ты смотришь? Я смотрю на твою сестру Надю* (= та девушка, на которую я смотрю, есть твоя сестра Надя); *Кому ты отдал мой зонтик? Я отдал твой зонтик нашей гардеробщице* (= лицо, которому я передал зонтик, есть наша гардеробщица).

Обращение к предложениям этого типа дает удобную возможность подчеркнуть зависимость организующих высказывание логико-синтаксических отношений от коммуникативной перспективы сообщения и референции входящих в него имен.

Так, коммуникативная инверсия элементов может иметь своим следствием коренное преобразование связывающих эти элементы логико-синтаксических отношений. Если предложение *Родион Раскольников убил старуху* выражает логическую предикацию, сообщая о некотором действии, совершенном известным лицом, то, перенося коммуникативный фокус на субъект суждения и превращая его тем самым в рему высказывания, говорящий заменяет отношения предикации отношениями идентификации. Ср. *Старуху убил Родион Раскольников*. Не случайно во многих языках с несвободным порядком слов предложения, в которых логическое ударение падает на референтное имя, перестраиваются по модели предложений тождества. Ср. англ. *He who murdered the old woman was John*; *John was who murdered the old woman*; фр. *C'est moi qui vous invite*; исп. *Doña María es quien manda en esta casa*; *El que ha venido es mi hermano*; ит. *Era lui che raccomandava di tacere*; *Sei tu che hai parlato*.

Другим фактором, определяющим синтаксические отношения, является характер референции субъекта. Отношения идентификации требуют, чтобы в позиции сообщаемого находилось референтное существительное (имя собственное, единичная дескрипция) или дейктическое местоимение. Более того, ни при каких других логико-синтаксических отношениях референтные слова не могут быть ремой сообщения (см. подробнее ниже). Из сформулирован-

ного положения вытекает, что предложения, в которых ремой является имя собственное и имя нарицательное (неопределенная дескрипция), несмотря на сходство своего формального строения, принципиально различны: высказывание *Пришел (какой-то) мальчик* выражает отношения таксономической предикации (пришедший причисляется к классу мальчиков, обладает признаками мальчика); высказывание *Пришел Коля* выражает отношения идентификации (пришедший идентичен Коле, есть не кто иной как Коля). Более того, высказывания с обратным порядком слов обладают разным статусом в системе коммуникативных форм предложения в зависимости от характера референции подлежащего. Для предложений с нереферентным именем постпозиция подлежащего первична (тип *Пришел мальчик*). Имя может быть передвинуто на первое место, только приняв на себя сильное логическое ударение (ср. *Мальчик пришел*). Напротив, для предложений с референтным подлежащим (тип *Коля пришел домой; Мой сын учит уроки*) первичной является форма с прямым порядком слов. Инверсия внутри этих предложений, как уже говорилось, служит для выражения отношений идентификации (*Кто пришел? — Пришел Коля*).

Итак, предложения, в которых реме соответствует имя собственное, выражают отношения идентификации. Они могут быть трансформированы в связочное предложение идентифицирующего типа. Ср. *Во время катастрофы пострадал Иванов* → *Пострадавший — Иванов; Написал это письмо Сергеев* → *Автор письма — Сергеев; Создал теорию относительности Эйнштейн* → *Создатель теории относительности — Эйнштейн*. В предложениях тождества оба члена выражаются референтными именами. Специфика предложений идентификации, удовлетворяющих ситуации детективного поиска, состоит в том, что в них реме соответствует атрибутивно употребленная единичная дескрипция (см. стр. 190), а реме — имя собственное или дейктическое местоимение. Такие предложения содержат сообщения, позволяющие преобразовать атрибутивное употребление единичной дескрипции в референтное. После сообщения *Убийца старухи — Раскольников* сочетание *убийца старухи* будет скрывать за собой референцию к идентифицированному лицу — Раскольникову. Поскольку пресуппозиция существования основывается в данном случае на сведениях о некотором факте, то иденти-

фицируемый объект обозначается по его роли в событии, т. е. по ситуативному признаку.

Предложения тождества, в которых теме соответствует атрибутивно употребленная единичная дескрипция, обладают той особенностью, что передвижение «событийной» дескрипции в позицию ремы может разрушить отношения идентификации, преобразуя их в отношения предикации. Так, предложения типа *Бэкон — родоначальник (основатель) английского материализма; Вальтер Скотт — автор «Ваверлея»; Менделеев — создатель периодической системы элементов* и пр. в обычном их употреблении содержат характеристику субъекта и должны быть прочитаны так: *Бэкон положил начало английскому материализму; Вальтер Скотт написал «Ваверлея»; Менделеев разработал периодическую таблицу химических элементов.* Дескрипция в таком употреблении содержит указание на некоторое действие, и для нее, поэтому, естественной является роль предиката. Если в предложениях типа *Пришел Коля* глагол в личной форме скрывает за собой единичную дескрипцию (*пришел* = тот, кто пришел; пришедший), то в предложениях типа *Вальтер Скотт — автор «Ваверлея»*, напротив, единичная дескрипция скрывает за собой указание на действие (*автор «Ваверлея»* = написал роман под названием «Ваверлей»). Определенная дескрипция, следовательно, в этом случае употреблена не референтно. Входящее в нее имя лица (*автор, создатель, родоначальник* и пр.) составляет реляционный предикат (релятор), т. е. предикат, обозначающий отношение между двумя объектами (если второе имя употреблено референтно).

Таким образом, наличие в реме связочных предложений единичной дескрипции, не является само по себе свидетельством того, что перед нами предложение тождества. Определенные дескрипции, употребляясь всякий раз тогда, когда пропозициональная функция имплицитно подразумевает единичность актанта, допускают однако как референтное, так и нереферентное употребление. В первом случае они употребляются в предложениях тождества, во втором случае выполняют функцию предиката.

2. Ситуация перехода от знания к знакомству.

К детективному поиску близка ситуация перехода от заочного знакомства к очному в разных ее вариантах: переход к визуальному наблюдению может быть неужи-

данным или предусмотренным. Он может быть осложнен необходимостью выбора. Предположим, мы располагаем некоторыми данными о лице или предмете, его словесным портретом, словарным описанием некоторой реалии, инструкцией, справочником, планом местности и т. п. На основании имеющейся информации мы должны идентифицировать искомый объект (например, место, где спрятан клад). В процессе идентификации нередко возникают альтернативы, т. е. приходится решать задачу со следующими условиями: 1) известны некоторые данные о лице (предмете), 2) известно, что объект входит в наблюдаемое множество, 3) необходимо определить, какой именно объект является искомым, т. е. осуществить переход от признаков к субстанции. Для уяснения этой ситуации сошлемся еще раз на известные строчки из «Онегина»: *«Скажи: которая Татьяна?» | Да та, которая грустна и молчалива как Светлана | Вошла и села у окна.* Успешное решение этой задачи во многом зависит от характера данных: идентифицирующая информация должна указывать на индивидуализирующие черты предмета, причем залогом безошибочной идентификации объекта является знание его «особых примет». Идентифицирующее значение, как отмечалось выше, строится поэтому из иных семантических компонентов, чем значение предиката.

Переход от знания к наблюдению часто дает повод для сличения воображаемого образа с действительным и порождает серию стандартизованных речевых реакций на ситуацию. Ср. *Действительность превзошла все мои ожидания; Действительность разочаровала меня. Маша оказалась совсем не такой, какой я представлял ее себе.* Реакцию этого последнего типа особенно часто стимулирует экранизация популярных литературных произведений, герои которых живут в воображении зрителей как реальные, наделенные плотью и кровью, люди. Можно упомянуть также о ряде эмоционально окрашенных реплик, выражающих прямую реакцию на очное знакомство. Ср. *Ах, вот, он оказывается каков, знаменитый собор св. Петра! Вот он какой, Исаакий! Это и есть твой брат Николай!*

3. Ситуация «воплощенной мечты».

Здесь мы хотим обратить внимание на своеобразное употребление идентифицирующих предложений в тех случаях, когда происходит сопоставление искомого или

ожидаемого с действительным. Если существующий объект отвечает предъявляемым к нему требованиям, происходит идентификация реального с воображаемым: *Это как раз и есть то, что нам нужно; Вы и есть нужный человек; Вас-то мне и нужно.* Хотя в этом случае речь идет об обнаружении в объекте свойств, необходимых для определенных целей, ситуация уподобляется положению дел, описанному в предшествующей рубрике.

Проиллюстрируем эту ситуацию двумя примерами. Увидев Онегина, Татьяна, которая до этого создала в мечтах образ своего героя, констатировала, что этот образ обрел в Онегине свою персонификацию, в форме предложения тождества: *Она сказала: это он! (Пушкин).* Ср. также у Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии». *Он оглянул меня с головы до ног, как бы желая удостовериться, действительно ли я тот самый «подходящий человек», об котором он мечтал [...].* И далее: *В ту самую минуту, как я искал спасения в галлюцинациях, в комнату вошло новое лицо, при виде которого я всею силою облегченной груди крикнул: — Иван Тимофеевич! Вот он! Да, это был он, т. е. избавитель, т. е. «подходящий человек», по поводу которого возможен был только один вопрос: сойдется ли в цене? т. е. говоря другими словами, это был адвокат Балалайкин.* Последний пример интересен тем, что в нем снято противопоставление между предикатной структурой (*Это был избавитель = он мог избавить меня от нежелательной женитьбы*) и предложением тождества (*Это был адвокат Балалайкин*). Отношения предикации, приписывающие предмету некоторые признаки, осмысляются как отношения тождества (идентичность воображаемого или искомого реальному предмету). Этим подчеркивается единственность, уникальность объекта, способного удовлетворить предъявляемым к нему требованиям.

4. Ситуация узнавания.

Ситуация узнавания создается при сопоставлении признаков лица или предмета, извлекаемых из предшествующего опыта, с непосредственно наблюдаемыми чертами.

Проиллюстрируем ситуацию узнавания следующим примером из «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина:

Мне показалось, что где-то, когда-то я видел этого человека, и чем более я всматривался в него, тем больше росла во мне уверенность, что видел я его именно в этом

самом доме. — Да, это он! — говорил я сам себе: — но кто он? Тот был тщедушный, мизерный, на лице его была написана загнанность, забитость [...] А этот вон он какой! Сыт, одет, обут — чего еще нужно? И все-таки это — он, несомненно, он, несмотря на то, что он смотрит как только сейчас отчеканенный медный пятак! [...] Но на меня этот голос подействовал потрясающим образом. Я уже не вспоминал больше, я вспомнил. Да, это — он! твердил я себе, он, тот самый, во фраке с умершего титулярного советника. Чтобы проверить мои чувства, я взглянул на Глумова и без труда убедился, что он взволнован не меньше моего. — Он! — шепнул он, слегка толкнув меня локтем в бок [...] — Иван Иванович! да ведь это ты! ты! ты! — воскликнул он в неопisanном восхищении.

Ситуация узнавания в данном эпизоде дана сначала в описании, а потом в прямой речи. Как видно, прямая реакция узнавания выражается в обращении по имени, которое сопровождается предложением тождества, состоящим из двух местоименных компонентов — в теме стоит дейктическое местоимение, а в реме личное, ср. Ты ли это! Да это ты! или просто Ты! Логически такие предложения совершенно были бы лишены смысла, поскольку обозначение собеседника местоимением второго лица несколько не эксплицирует, с кем же его отождествляет говорящий, если бы местоимение не замещало в этом случае имени собственного, вынесенного в обращение: Петя! Ты ли это? значит 'Верно ли, что этот человек есть то лицо, которое было знакомо говорящему в прошлом под именем Пети?' Столь же незначима, хотя и коммуникативно понятна, реакция подтверждения со стороны идентифицируемого персонажа: Да, это я! (= да, это Петя). Заметим, что принятый способ самоидентификации по телефону и за дверьми по типу Кто это? — Это я рассчитан на узнавание голоса, а не на смысл слов.

Сообщение о ситуации узнавания обычно строится при помощи глагола *узнавать*, управляющего двумя кореферентными дополнениями, т. е. дополнениями, относящимися к одному и тому же реальному объекту: *узнать в ком-то кого-то*. В первом дополнении фиксируются данные настоящего опыта (наблюдения), а во втором — признаки, извлекаемые из опыта, относящегося к прошлому. Ср. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что он в Красинском узнал того самого чиновника,

которого несколько дней назад едва не задавил и с которым имел в театре историю (Лермонтов); В человеке, разносившем подносы с чаем, мы с удовольствием узнали Кшепицпольского (Салтыков-Щедрин); Но в изумлении молчаливом | Кого же в рыбаке счастливом | Наш юный витязь узнает? | Хазарский хан, избранный славой, | Ратмир, в любви, в войне кровавой | Его соперник молодой | (Пушкин); Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад (Пушкин). Как и в предложениях тождества оба дополнения глагола узнавать обозначаются референтными выражениями — именами собственными, дейктическими или личными местоимениями, определенными дескрипциями.

Дополнения могут быть объединены в одно, если соответствующие разъяснения либо предшествуют, либо следуют за данным предложением. Ср. Я открыл дверь. Передо мной стоял Юра. Я сразу узнал его (= узнал в стоящем передо мной человеке Юру, отождествил его с Юрой); Я открыл дверь. Передо мной стоял молодой человек. Я сразу узнал его. Это был Юра. Ср. Что если бы он сбросил маску... нет. | Нет, он не узнал меня ... (Лермонтов). Такое объединение дополнений особенно естественно если предложение построено в первом лице, так как для говорящего его собственной персоне во всех ее модификациях соответствует местоимение 1-го лица.

Данная ситуация, как и все ситуации идентификации, может быть выражена предложениями тождества. Ср. Одна красавица младая | На берегу плела венки. | Меня влекла моя судьбина ... | Ах, витязь, то была Наина (Пушкин); И вдруг сидит передо мной | Старушка дряхлая, седая, | Глазами впалыми сверкая, | С горбом, с трясучей головой, | Печальной ветхости картина. | Ах, витязь, то была Наина! (Пушкин). В обоих случаях за указательным местоимением то стоит дескрипция, эксплицированная в предтексте.

5. Ситуация идентификации личности.

Необходимость выяснить личность возникает тогда, когда о некотором персонаже, данном в актуальном опыте, отсутствуют сведения, относящиеся к прошлому. Выяснение личности требует ответа на вопрос, многократно сформулированный чиновниками применительно к Чичикову: Кто таков на самом деле есть Чичиков? (Гоголь);

Да кто же он в самом деле такой? (Гоголь). Вопрос этот, надо признать, основывался на вполне резонной предпосылке: «Все поиски, произведенные чиновниками, открыли им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что однако же Чичиков что-нибудь да должен быть непременно» (Гоголь).

Установить личность значит отождествить данное лицо с субъектом, о котором имеется нужная информация, относящаяся к другому периоду существования. Для того, чтобы создать предпосылки к идентификации личности, необходимо «отвлечь» от нее некоторые признаки (наиболее эффективны особые приметы) и затем сличить их с данными о подозреваемых персонажах. Установление личности имеет два ситуативных варианта: а) поиск скрывшегося субъекта, требующий идентификации личности заподозренных, б) отсутствие сведений о некотором лице.

Обе ситуации могут слиться в одну, если человек с темным прошлым окажется кандидатом на роль искомого персонажа. Именно такой синтез двух типов ситуаций описан в «Мертвых душах». Как раз в тот момент, когда отцы города задались приведенными выше вопросами, пришли бумаги о поисках разбойника и фальшивомонетчика, а также стало известно о посылке генерал-губернатором некоего чиновника для произведения тайного следствия. Отцы города заподозрили в Чичикове одного из этих трех персонажей. Ср. *Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: а может быть и не делатель; другой утверждал, что он чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял; а впрочем черт его знает, на лбу ведь не прочтешь* (Гоголь).

Сочетание *делатель государственных ассигнаций* в приведенном контексте употреблено референтно, а не предикатно, т. е. указывает на определенное лицо, а не сообщает о предполагаемом роде занятий Чичикова. Между тем в следующем предложении речь идет именно об определенных видах деятельности, т. е. о признаках: *Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более быть разбойником, наружность благонамеренна* (Гоголь). На смену отвергнутым подозрениям пришли еще более фантастические: почтмейстер предложил отождествить Чичикова с капитаном Копейкиным, хотя у капитана не было ноги, а у Чичикова все

конечности были в сохранности, что существенно для установления «субстанционального» тождества.

В итоге отцы города превзошли себя: *Из числа многих в своем роде сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже и сказать: что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон* (Гоголь). Если учесть, что как раз в то время в округе появился пророк, пришедший неизвестно откуда «в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист», то по закону тождества из истинности предположений отцов города и «пророка» следовало бы, что Чичиков есть не кто другой, как антихрист.

Предложения тождества

Выше были рассмотрены некоторые типы ситуаций идентификации. Все они могут составить содержание высказывания. И хотя языки обычно располагают достаточно разнообразными лексическими и синтаксическими средствами для сообщений об идентичности предмета, отражающими специфику каждой ситуации, в них, как правило, имеется также специальная синтаксическая конструкция, удовлетворяющая любым экстралингвистическим условиям. Такой конструкцией являются предложения тождества, существующие во всех индоевропейских языках.

Термы, входящие в предложения тождества, должны удовлетворять требованию семантической однородности. Отношение идентификации, в силу своей рефлексивности, не может связывать между собой имя события и имя предмета, обозначение класса объектов и обозначение конкретного объекта. Это свойство отличает отношения тождества от других типов логико-синтаксических отношений, соединяющих семантически гетерогенные единицы, в частности от предикации, связывающей денотативное и сигнификативное значения, и номинации, связывающей денотат и его языковой индекс.

Природа термов, входящих в предложения тождества, может быть разной. Отношения идентичности устанавливаются между (1) именами по их отношению к денотату, (2) денотатами имен, (3) именами по их отношению к сигнификату, (4) сигнификатами имен.

Природа идентифицируемого объекта или явления существенна для определения значения предложений тождества. Между тем она не всегда принимается во внимание. Так, в некоторых логических исследованиях не различается четко идентификация имен, называющих один и тот же объект, и идентификация объекта, денотируемого разными именами. Смещению способствует то обстоятельство, что сообщения о тождестве имен и высказывания о тождестве денотата могут облекаться в одинаковую языковую форму. Они близки также и по смыслу, поскольку тождество имен имплицитно тождество денотата и, соответственно, наоборот. Это объясняется тем, что идентичность имени как двустороннего (знакового) элемента языка отлична от идентичности предмета. Первая устанавливается на основе функциональных, вторая — на основе субстанциональных критериев. Поскольку функция имени состоит в указании на предмет, функциональное тождество имен предполагает субстанциональное тождество денотатов имен. Высказывания о тождестве предмета и о тождестве имен предмета, следовательно, выделяют разные стороны одного явления. Тождество предмета отвечает логическому принципу индивидуации, тождество имен — принципу тождества неразличимых.

В логических и лингвистических работах акцент делается на тот или другой аспект идентификации. Это заметно по тому, как определяются предложения тождества.

К. Берка, например, пишет, что в идентифицирующих предложениях «речь идет о тождественности различных выражений в отношении одного и того же предмета объективной действительности, который только обозначен различным образом»¹. Для описания предложений тождества существенно отмечать, поэтому, способ обозначения в них отождествляемого предмета. К. Берка выделяет два типа предложений тождества: 1) тип, образуемый двумя именами собственными (*Павел есть Савл*) и 2) тип, образуемый именем собственным и дескрипцией (*Беркли — родоначальник английского субъективного идеализма; Настоящий родоначальник английского материализма — Бэкон*)².

¹ К. Берка. Функции глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики. «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 171.

² Там же.

К. Берка, таким образом, как и многие другие логики (см. выше о парадоксе взаимозаменяемости), видел существо предложений тождества в том, что они устанавливают однореферентность языковых выражений, их семантическую эквивалентность, составляя предпосылку для их взаимозамен. Предложения тождества в таком их понимании имеют метаязыковой характер. Они суть сообщения об употреблении языка. Именно поэтому К. Берка, выделяя указанные выше два типа предложений идентификации, оставляет вне своего внимания те высказывания, в которых объект обозначен личным или дейктическим местоимением, т. е. шифтерами, знаками с прагматически обусловленным, переменным денотатом. Такие высказывания не дают правил употребления имен. Они поэтому представляют мало интереса для логических операций над выражениями.

Лингвисты, напротив, чаще видели смысл предложений тождества в утверждении идентичности объекта. И. Беллерт, например, определяет их как сообщения о том, что предмет, к которому относится один языковой индекс, тождественен предмету, к которому относится другой языковой индекс³.

Обе интерпретации предложений тождества справедливы. Они характеризуют их две семантические разновидности, различающиеся природой идентифицируемого объекта.

Первый тип устанавливает эквивалентность и м е н как элементов кода по их способности к денотации (так наз. семантическое тождество). Сообщения этого значения уместны тогда, когда в языке употребляется по крайней мере два однореферентных имени ср. *Цицерон есть Туллий*. Второй тип устанавливает тождество п р е д м е т а самому себе (так наз. онтологическое тождество). Сообщения этого значения уместны тогда, когда возникают сомнения относительно идентичности объектов, участвующих в разных положениях дел, ср. *Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту* (Гоголь). Высказывания первого типа будем называть предложениями н о м и н а т и в н о г о (кодового) тож-

---

³ I. Bellert. On the logico-semantic structure of utterances. Wrocław, etc. 1972, стр. 51, прим. 6.

дества, а высказывания второго типа — предложениями денотативного тождества.

Выбор имен, входящих в предложения номинативного и денотативного тождества, подчинен разным задачам. Поскольку в первом случае сообщение носит метаязыковой характер, выбор номинаций, между которыми устанавливается тождество, непосредственно связан с целью высказывания. Иначе говоря, предметом сообщения как раз и являются сами эти номинации — имена собственные и их эквиваленты. Во втором случае сообщение касается не употребления языка, а самой предметной реальности. В нем выбор способов обозначения предмета зависит от прагматических факторов — осведомленности собеседников, присутствия или отсутствия идентифицируемого объекта и т. п. Последний может в принципе обозначаться любым способом, пригодным для его идентификации адресатом речи. Такого рода утверждения ситуативно связаны.

Номинативное тождество в своей классической форме устанавливается между собственными именами. Предложения номинативного тождества могут включать в качестве своих термов также имена нарицательные идентифицирующего типа (прежде всего имена предметов), но не дейктические слова. В предложениях денотативного тождества идентифицируемый предмет может быть представлен любым выражением, уместным в данных условиях коммуникации, — именем собственным, дейктическим или личным местоимением, окказиональной дескрипцией.

Предложения номинативного тождества основываются на отношениях именования.

Они ставят в отношения равенства главные члены (ремы) односубъектных номинативных (именующих) предложений. Ср.

Имя этого философа Декарт } → *Декарт — это то же,*
Имя этого философа Картезиус } *что Картезиус*

Итак, в предложениях номинативного тождества сообщается о том, что данное лицо, предмет или класс предметов имеет более одного имени. Связка может соединять в них имена, относящиеся к разным кодам (*Зевс — это то же самое, что Юпитер*), разным диалектам или идеалектам (*зеленушки — это то же, что чернушки; тархун — это то же, что эстрагон*), разным системам терминологии

(*ладья — это тура*), разным периодам развития одного языка (*геликоптер — это вертолет; ланиты — это щеки*), имена, относящиеся к разным функциональным стилям, жаргонам (*чувак — это человек*) и т. п.

Показателем того, что в этих предложениях речь идет о тождестве скорее имен, чем предметов, служит форма опосредующего местоимения (*это то же самое, что...*); при объединении термов в один член предложения — подлежащее, сказуемое идентификации обычно сохраняет средний род, ср. *Геликоптер и вертолет — это одно и то же; Зевс и Юпитер — это то же самое*. К лицам, однако, такие высказывания не применяются. Сообщения об эквивалентности имен лиц делаются либо в форме предложений денотативного тождества, ср. *Декарт и Картезиус — одно и то же лицо* либо эксплицируется, что речь идет об имени и лица, ср. *Картезиус — это другое имя Декарта*.

Предложения номинативной эквивалентности обычно имеют всевременной характер, выражаемый презенсом. В русском языке в них присутствует нулевая связка, реже, *есть*. Послесвязочное имя, поэтому, не может быть поставлено в творительный предикативный. Только в ситуации переименования употребляется прошедшее время и творительный падеж, ср. *Ленинград был тогда Петроградом*. Такие предложения следует, впрочем, трактовать скорее как сообщения о прежнем имени предмета, чем как сообщения о тождестве двух имен.

Предложения номинативного тождества легко свертываются в аппозитивные словосочетания. В этом случае первое (определяемое) имя бифункционально. Оно выступает одновременно и как идентификатор предмета речи и как его имя, способ его наименования в данном коде. В этой второй функции имя связано отношениями номинативного тождества с аппозитивным определением. Последнее, если оно стоит при подлежащем, может быть введено словами *иначе, или, или иначе, по-другому, в иной терминологии, что то же самое, бывший, в просторечии, в жаргоне* и пр. Ср. *Тура, или иначе ладья, ходит только по прямому полю*.

Если предложения номинативного тождества базируются, как отмечалось, на отношениях именования, то предложения денотативного тождества опираются на функцию идентификации ср.

Маша — жена Петра } *Жена Петра — учи-*
Маша — учительница моего сына } *тельница моего сына*

Суть предложений денотативного тождества заключается не в указании двуименности одного предмета, а в констатации того факта, что различные признаки или свойства (накопленная информация) имеют одного носителя. Если предложения номинативного равенства устанавливают эквивалентность имен по тождеству их денотата, то предложения денотативного тождества устанавливают идентичность денотата по относящимся к нему именам или дескрипциям.

Подобно тому как предложения, образуемые конкретными именами, способны выражать либо тождество имен, либо тождество самих референтов, предложения, образуемые предикатными (признаковыми) словами, также могут относиться к двум аспектам одного явления. Они могут обозначать либо кодовое (семантическое) тождество двух слов относительно обозначаемого ими понятия, либо идентичность самих этих понятий (сигнификатов). В первом случае предложения устанавливают отношения синонимии, т. е. функциональное тождество. Ср. *Засыпаться это то же самое, что провалиться; Печальный это то же, что грустный; Ерунда это то же самое, что чепуха.* Предполагается, что значение второго имени известно адресату и сообщается, что первый член предложений тождества обозначает то же понятие. Здесь в первом члене стоит неизвестная величина, а во втором члене, или реме, напротив, заключено нечто, известное собеседнику. Такие высказывания имеют э к с п л и к а т и в н ы й характер.

Сообщения о синонимичности предикатных слов отличны от предложений номинативного тождества, хотя и в тех и в других речь идет о семантическом тождестве. В первые легко вводится глагол *значить*. Ср. *Ерунда значит чепуха; Печальный значит то же, что грустный; Засыпаться значит провалиться.* В предложениях номинативного тождества связка редко распространяется этим глаголом, даже если терминами уравнения являются имена нарицательные, т. е. слова, обладающие смыслом. Ср. *Гардероб это (значит) платяной шкаф.* Имя предмета естественней толковать через указание на класс денотатов, а не через разъяснение соответствующего понятия (собственно и само понятие в этом случае «привязано» к клас-

су предметов). Это подтверждает близость имен конкретных предметов к именам собственным, а не к словам-предикатам (признаковым словам), суть которых заключена в их сигнификативном содержании, смысле (подробно см. в главе «Коммуникативная функция и значение слова»).

Заметим попутно, что предложения, устанавливающие отношения синонимичности, могут, в отличие от высказываний номинативного тождества, иметь в качестве своих членов не только существительные, но и другие части речи. Ср. *Багровый это темно-красный; Нежели значит чем.*

Характеризуя предложения сигнификативного тождества, т. е. предложения, констатирующие равнообъемность понятий, необходимо подчеркнуть, что они не аналогичны сообщениям о тождестве денотатов. Это объясняется тем, что сигнификаты слов, не будучи предметной реальностью, не могут быть идентифицированы дейксисом, т. е. прямым указанием. Они неотделимы от выражающих их слов, благодаря которым они закреплены в человеческой памяти. Предложения сигнификативного тождества поэтому практически неотличимы от метаязыковых высказываний о синонимических отношениях между словами и выражениями.

Предложения сигнификативного тождества, вводят нас в сферу научных дефиниций и словарных толкований значения слова. Этих вопросов мы не будем касаться. Сделаем лишь одно замечание о судьбе предложений сигнификативного тождества в обыденном языке. Как только отношения эквивалентности начинают соединять между собой абстрактные категории — названия действий, процессов, свойств, качеств и пр., они обнаруживают тенденцию к семантическому развитию по логическому пути, т. е. приобретают значения тех отношений, которые мысль устанавливает между событиями. Значение тождества преобразуется в значения сравнения, условия, причинно-следственной зависимости и пр. Ср. *Понять — это (значит) простить* = если человек понимает виновного, он прощает ему его вину; *Жизнь есть сон* = жизнь похожа на сон; *Нерешительность означает поражение* = нерешительность может оказаться причиной поражения; *Богатый — еще не значит счастливый* = богатство не составляет достаточного условия для счастья человека.

Итак, предложения идентификации могут устанавли-

вать: 1) тождество имен по отношению к денотату, 2) тождество денотата (объекта) самому себе, 3) тождество имен по отношению к обозначаемому ими отвлеченному понятию, 4) тождество понятий. Предложения 1-го и 2-го типов, отвечая одной и той же внеязыковой действительности, отличаются друг от друга. Предложения 3-го и 4-го разрядов сливаются в один тип.

Ниже пойдет речь только об одной разновидности предложений тождества — высказываниях, констатирующих идентичность объекта самому себе, т. е. выражающих онтологическое (денотативное) тождество. Предложения, устанавливающие семантическое тождество языковых выражений, относятся скорее к метаязыку, чем к обыденному языку. Высказывания, уравнивающие объем понятий, как отмечалось, пережили явственную семантическую эволюцию и в первичном значении употребляются редко.

Можно заметить, что понятие идентификации применительно к разным категориям материальных объектов не вполне одинаково. Если идентифицировать личность следует с точностью до индивидуума (особи), идентифицировать вещество значит определить его химический состав, то применительно к вещам понятие идентификации варьируется: для индивидуализированных предметов действует принцип индивидуации, т. е. тождество устанавливается с точностью до единицы, для стандартизованных действует принцип тождества неразличимых, т. е. тождество устанавливается с точностью до класса. Точность до единицы есть не что иное, как онтологическое (субстанциональное) тождество, а точность до класса есть гносеологическое тождество, устанавливаемое в определенном «интервале абстракции». В первом случае совпадает субстанция, но могут не совпадать признаки субстанции, поскольку обычно идентифицируется предмет разных периодов своего существования, во втором случае, наоборот, совпадают признаки, но не субстанция. В первом случае речь идет о тождестве *per se*, во втором о включении объекта в класс. Поэтому, хотя и считается, что идентифицировать цветок, гриб, птицу, овощ и пр. значит определить, к какому классу они принадлежат, сообщение о такого рода идентификации (например, *это — рыжик, эта птица — дрозд*) не относится к категории предложений онтологического (субстанционального) тождества.

В разряд предложений тождества входят далеко не все связочные предложения, образованные двумя действительными предметного значения. Некоторые лингвисты, придерживающиеся морфологических критериев в определении типов предложения, относят к предложениям тождества только связочные предложения симметричного строения. Ср. следующее определение Л. П. Старосельцева: «Предложениями тождества называются двусоставные предложения, в которых отсутствуют различия в морфологическом выражении подлежащего и сказуемого; поэтому каждый из составов может быть как подлежащим, так и сказуемым [...] В логическом плане между двумя составами данных предложений наблюдаются отношения приравнивания, отождествления»⁴. Наложение морфологического ограничения не ведет, однако, к выделению группы предложений тождества. В логическом плане предложение *Мой друг — красавец* основывается на отношениях качественной предикации, а *Мой друг — брат Тани* включает реляционный предикат (*брат*). Вместе с тем нет оснований относить к разным синтаксическим классам предложения с именительным и творительным предикативным. Ввиду факультативности творительного падежа предложения *Мой друг был учитель* и *Мой друг был учителем* часто находятся между собой в отношениях свободного варьирования. В настоящем времени формы таких предложений совпадают.

Нашим целям в большей степени отвечает систематизация двуименных связочных предложений, сделанная И. И. Ревзиным, поскольку она помогает выделить в отдельную группу собственно предложения тождества. И. И. Ревзин⁵ предлагает классифицировать связочные высказывания по двум взаимно независимым признакам: а) тождественность или включенность объема одного понятия в объем другого и б) константный или переходящий

⁴ Л. П. Старосельцев. Об одном приеме обнаружения подлежащего и сказуемого в предложениях тождества. «XXII Герценовские чтения. Филол. науки, ЛГПИ им. Герцена». Л., 1968, стр. 32.

⁵ И. И. Ревзин. Логико-грамматический тип предложений тождества (рукописный текст доклада, прочитанного на Конференции по теоретическим проблемам синтаксиса индоевропейских языков. Л., 1971 г.): см. также «Тезисы» указанной конференции.

характер сопоставления двух понятий. Эти два признака дают четыре синтаксических типа: 1) предложения константного тождества (собственно предложения тождества), например: *Декарт и есть Картезиус; Утренняя звезда есть Вечерняя звезда; Этот молодой корнет была девица Дурова*; 2) предложения преходящего (или условного) тождества, например: *Хлеб — это свобода, свобода — это хлеб*; 3) предложения константного включения, например, *Пушкин был поэт, Хлебников был чемпион (Шкловский)*; 4) предложения преходящего включения, например: *Пушкин был тогда лицеистом*.

Каждый тип субстантивных связочных предложений обнаруживает определенную не только семантическую, но и формальную специфику. Предложения первого типа выражают в общем случае значение денотативного тождества. Они обладают той неперменной особенностью, что в них оба именные выражения употребляются референтно, т. е. замещают (именуют) вполне определенный предмет, причем один и тот же. Глагол *быть* в них передает идею тождественности, а не только грамматические категории времени и наклонения, дополняющие объем значения именной части сказуемого до значения глагола (ср. *он учительствовал — он был учителем*). Функция глагола *быть* в предложениях тождества отлична, следовательно, от связочной функции этого глагола, реализуемой в предикатных структурах ⁶.

Признак референтности («субстанцииальности») обоих имен побуждает оставить за пределами этой категории предложения преходящего тождества: «субстанцииальное» тождество (если оставить в стороне ситуации метаморфоз) не может быть эпизодическим. Все временное мыслится человеком не как материя, а как свойство материи или ее ипостась. Высказывание *Этот череп был некогда Йориком* как бы превращает личность Йорика в преходящее свойство субстанции, обращенной временем в скелет. Ср. также *Это было столом (домом, городом, бальным туалетом); Эти руины были когда-то Помпеей; Земля была некогда туманностью; Тем ребенком был я*. В русском языке в этом случае всегда возможен творительный падеж предикатива, в большей степени, чем име-

⁶ К. Берка. Указ. соч., стр. 173.

нительный, соответствующий непостоянному, временному тождеству (см. также ниже).

Характеризуясь в содержательном плане признаком референтности обоих именных выражений, предложения тождества обладают и определенными структурными чертами, проистекающими из указанного семантического свойства. Могут быть выделены следующие признаки предложений денотативного тождества, удельный вес которых зависит от общей структуры языка: 1) употребление детерминантов при обоих именах, 2) особенности прономинализации, 3) возможность использования обоих именных выражений для идентификации объекта в дальнейшем тексте, 4) значение отрицательных форм, 5) возможность перестановки термов.

Перечисленные признаки позволяют отличить предложения идентификации от двуименных связочных предложений, выражающих отношения логической предикации, прежде всего от классифицирующих высказываний, т. е. предложений константного или преходящего включения (по Ревзину). Ниже такие высказывания будут называться **и н к л ю з и в н ы м и**.

Первый признак показателей для языков, располагающих артиклем. В них определенный артикль и его эквиваленты могут характеризовать как досвязочное, так и послесвязочное имя. Эта черта отличает их от предложений предикатного типа, в которых предикатив характеризуется либо отсутствием артикля, либо неопределенным артиклем. Ср. *Peter is a writer* и *Peter is the author of this novel*; исп. *Pedro es escritor* и *Pedro es el autor de esta novela*.

Сам по себе обсуждаемый формальный признак не является безапелляционным. Так, предложения с суперлативом в послесвязочной позиции не выражают отношений тождества, хотя именная часть сказуемого оформлена в них определенным детерминантом. Ср. *Анна — самая красивая девушка города*. Подобные предложения выражают реляционную предикацию: Анна красивее, чем все другие девушки города.

В случаях этого типа признак детерминации имени приходит в столкновение с данными прономинализации. Единичные дескрипции атрибутивного типа, беря на себя функцию сообщаемого, создают неоднозначные предложения, которые могут быть истолкованы и в идентифици-

рующем, и в предикатном смысле. Ср. *Этот молодой человек — мой учитель математики* = 1) этот молодой человек и есть тот учитель математики, о котором я тебе говорил (значение тождества) и 2) этот молодой человек преподает мне математику (значение предикации).

Предложения типа *Этот старик — мой отец* в общем случае указывают на отношение между объектом сообщения и говорящим лицом. Это видно из того, что определенная дескрипция в них может быть преобразована в реляционный предикат и дательный, обозначающий второй термин отношения. Ср. *Этот старик отец мне; Эта женщина мне жена; Кто он тебе? Он мне брат*. В подобных предложениях, которые часто приобретают переносный смысл (ср. *Ты больше не сын мне*), устранен детерминант второго имени, т. е. разрушена определенная дескрипция. В предложении *Этот старик отец ему* референтны выражения *этот старик* и *ему*, имя же *отец* не имеет референта. Оно является реляционным предикатом, устанавливающим отношение отцовства между референтами.

Преобразование посессива в дательный адресата естественно применительно к местоимениям, но затруднено по отношению к существительным. Едва ли можно по-русски сказать *Этот старик отец моему соседу*. Заметим, что предложения типа *Он не тот человек, в которого можно влюбиться* также не относятся к предложениям тождества, поскольку второе имя в них лишено референтности, несмотря на детерминацию указательным местоимением.

Гораздо более надежные результаты дает применение критерия прономинализации.

В русских предложениях, выражающих отношения включенности, именная часть сказуемого не может быть замещена личным местоимением (по крайней мере, в именительном падеже). Так, в предложении *Пушкин — поэт* первое имя допускает местоименную замену (ср. *Он — поэт*), а второе — нет (ср. * *Пушкин — он*, допустимо *Пушкин был им*). Между тем в предложениях тождества оба имени могут быть замещены личными местоимениями, ср. *Этот молодой корнет и есть девица Дурова; Он и есть девица Дурова; Этот молодой корнет и есть она*, и даже: *Он и есть она*?. Ср. например, у Салтыкова-Щедрина: «А я, коли видели: висит человек снаружи дома в

⁷ И. И. Резвин. Указ. соч., стр. 10.

ящичке на веревке, и стену краской мажет, или по крыше, словно муха, ходит — это он самый я и есть!»

В тех языках, в которых существует прономинализация предикативов, второе имя замещается, как и прилагательное, особым предикатным местоимением. Ср. нем. *Der Mann ist Lehrer* → *Er ist es*, но *Saul ist Paul* → *Saul ist er*⁸; исп. *Este hombre es ladrón* → *Este hombre lo es*, но *Este hombre es el ladrón* → *Este hombre es él*⁹. В английском языке предикативный характер второго имени выявляется по соотношению с вопросительными и относительными местоимениями. Ср. *He wants to be a genius, which he is not; What she wants to marry is a medieval doctor*¹⁰.

В русском языке эти различия проводятся не всегда достаточно четко. Это связано с общей особенностью русских личных местоимений, допускающих периферентное употребление. Высказывания *За кого ты меня принимаешь? Я не тот, за кого ты меня принимаешь* могут быть поняты и в идентифицирующем, и в предикатном (качественном) смысле, хотя неоднозначность в принципе устраняема именно средствами местоимений. Ср. *Он не тот (человек) и Он не то; Я не такой, как ты думаешь и Я не то, что ты думаешь*. Ср. *Но полно, что пользы мне душу открыть, | Зачем я не то, что я был (Лермонтов); Однако же Чичиков что-нибудь да должен быть непременно (Гоголь)*.

Приведенные факты убедительно показывают, что в инклюзивных предложениях послесвязочное имя выражает только качество — признак или совокупность признаков. Иначе говоря, оно не служит субститутом обозначаемого предмета.

Признаковый характер значения одного из существительных в предложениях инклюзивного типа был отмечен А. М. Пешковским, который писал: «Наряду с заменой существительного прилагательным можно до некоторой степени признавать и обратную замену прилагательного существительным. Мы имеем в виду, с одной стороны,

⁸ И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 10.

⁹ О непередметных местоимениях в иберо-романских языках см.: Е. М. Вольф. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М., 1974, стр. 45—57.

¹⁰ S. Kuno. Some properties of non-referential noun phrases. «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970, стр. 349.

то, что в школе называется «приложением» (*гражданин Иванов, товарищ комендант, сосед-немец*), с другой — так называемый «второй именной» существительного при глаголе-связке (*он был комиссар, ты будешь учитель*). В обоих этих случаях два или более существительных обозначают один и тот же реальный предмет. А так как словарные значения этих существительных редко бывают при этом одинаково предметны, то обыкновенно представление об этом реальном предмете сцепляется с тем существительным, которое более предметно, другое же существительное (или другие) мыслится как предмет, квалифицирующий собой другой предмет, т. е. аналогично с тем, как мыслится прилагательное при существительном. Обычно видовое мыслится как квалификация индивидуального (например, в *гражданин Иванов* реальный предмет мыслится в слове *Иванов*, а квалификация — в слове *гражданин*), родовое — как квалификация видового (например, в *товарищ комендант* реальный предмет — *комендант*, а квалификация — *товарищ*)¹¹.

Важным способом различения референтного и атрибутивного употребления определенных дескрипций являются пробы на продолжение текста. Всякая референтная дескрипция может употребляться в этой же функции в дальнейшем тексте, не нарушая его связности. Так, предложение *Мой учитель — Джонс* представляет собой предложение тождества. Обе именные фразы, образующие его, референтны. Поэтому любая из них может в следующем предложении быть использована в идентифицирующих целях, ср. *Мой учитель — Джонс. Мой учитель (Джонс) преподает мне математику*. Инверсия составляющих приведенного выше предложения тождества лишает вторую именную фразу референтности ср. *Джонс — мой учитель*. Последняя, получая атрибутивную функцию, уже не может фигурировать в следующем предложении в идентифицирующем значении. Высказывания *Джонс — мой учитель. Мой учитель преподает мне математику* не связаны между собой. Описанный тест подтверждает также атрибутивный характер единичной дескрипции, фигурирующей в позиции субъекта, в предложениях типа *Лидер этой партии — Джонс*. За этим предложением не

¹¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 151.

может следовать высказывание *Лидер партии несет ответственность за поражение на выборах*. Правила построения текста требуют, чтобы субъектом этого предложения было конкретное имя, т. е. *Джонс*, а не *лидер партии*. Это требование связано со значением предиката (нести ответственность за конкретное событие). Если бы последующее предложение допускало нереперентный субъект (это возможно в случаях общего суждения), то его позицию могло бы занять сочетание *лидер партии*, ср. *Лидер партии отвечает за проведение выборов*. Таким образом, следующая цепочка высказываний образует связный текст: *Лидер этой партии — Джонс. Лидер партии отвечает за проведение выборов*. Между тем, не может считаться связным текст с иной редакцией второго предложения: *Лидер этой партии — Джонс. Лидер партии несет ответственность за поражение на выборах*¹².

С. Куно, отмечая, что связочные предложения с нереперентным именем не могут подсказать новой дескрипции для идентификации предмета, указывает на следующее отклонение от этой закономерности. Обозначающий лицо индекс А, можно потом заменить индексом В, если В называет подмножество А. Ср. *К моему сыну пришел врач. Он оказался профессором колледжа, в котором я учился. Профессор сказал ...*¹³

В целом же, как было сказано, предикативные связочные предложения не предназначены для того, чтобы вводить в текст идентифицирующие именные фразы (определенные дескрипции). С этим согласуется и тот факт, что следующее за экзистенциальным предложение, сообщающее об имени лица, т. е. о способе его обозначения в дальнейшем тексте, не строится по связочной модели. Ср. *Жил был маленький мальчик. Мальчика звали Вася; Есть у меня один приятель. Зовут его Коля (или: Имя его Коля, но не Мой приятель — Коля)*. Имя собственное в после-связочной позиции может фигурировать только в том случае, если речь идет об известном собеседнику лице. Высказывание *Капитан команды — Николай Соколов* скорее идентифицирует личность капитана (т. е. является предложением тождества), чем сообщает о его имени. Так, не вполне корректно: *Нас встретил капитан коман-*

¹² S. Kuno. Указ. соч., стр. 357.

¹³ Там же, стр. 358.

ды. *Капитан команды — Николай Соколов. Николай Соколов рассказал о предстоящих встречах команды с хоккеистами Канады.*

Четвертый признак, характеризующий предложения тождества и отличающий их от предложений инклюзивного плана, можно видеть в специфике значения их отрицательных форм.

Если идентификация предмета или лица была произведена неправильно, то сообщение об ошибке отрицает только факт тождества, т. е. относится только к значению глагола *быть*, но не к пресуппозиции существования референтов имен. В предложении *Ложно, что в Бородинском сражении победителем был Наполеон* не отвергается ни факт существования победителя, ни факт существования Наполеона. Отрицание касается только тождества лиц, отвечающих этим именам. Отрицательная форма идентифицирующих предложений указывает на существование двух референтов именных выражений, а позитивная форма предложений тождества утверждает, что существует лишь один референт, соотносимый с двумя именами, иначе говоря, в ней утверждается кореферентность именных выражений. Сравним следующие предложения: 1) *Эта женщина не была моя жена* (т. е. моя жена другая женщина, не она; не эта женщина моя жена); 2) *Эта женщина не была моей женою; Эта женщина не была мне женою* (т. е. эта женщина и я не были женаты); 3) *Эта женщина была не моя жена* (т. е. эта женщина была замужем за другим человеком). Первое предложение естественно в устах женатого человека. Имя *жена*, следовательно, употреблено в нем референтно. Второе предложение лишено пресуппозиций, касающихся семейного положения обоих персонажей, оно, пожалуй, вызвано к жизни предположением, что между ними существовали некоторые (неформальные) отношения. Такое высказывание уместно со стороны холостого мужчины. Третье предложение исходит из пресуппозиции, что женщина, о которой идет речь, замужем, но не предполагает, что у автора речи есть жена. Только первое высказывание можно считать отрицанием тождества, третье предложение в приведенной интерпретации, в которой отрицание отнесено только к притяжательному местоимению, таковым не является, поскольку не предполагает или не обязательно предполагает, что дескрипция *моя жена* относится к реальному лицу. Повседневный

узус однако размывает границы логического значения конструкции¹⁴ и высказывание *Эта женщина была не моя жена* может быть понято и как отрицание тождества. Ср. *Эта женщина была не моя жена. Моя жена в то время жила в деревне.*

Итак, значение отрицательных форм предложений тождества сводится к указанию на то, что каждому из двух именных выражений соответствует отдельный референт. Такие предложения как бы восстанавливают нормальную ситуацию. Значение же положительной формы состоит в своего рода поправке к пресуппозициям существования, приписывающим референт каждому именованному выражению: предложения тождества утверждают ошибочность подобной предпосылки.

Пятое свойство идентифицирующих предложений, обычно отмечаемое логиками и грамматистами, состоит в их обратимости, возможной только при однооформленности именных выражений¹⁵. Ср. *Москва — столица СССР и Столица СССР — Москва.*

В логике идея обратимости отождествляемых величин опирается на общее положение о том, что перестановка терминов равенства не нарушает истинности уравнения. Применительно к языкам это положение поддерживается внеконтекстуальными операциями над небольшим набором утверждений номинативного тождества. Ср. *Джорджоне это Барбарелли; Венера это Утренняя звезда; Туллий это Цицерон и Барбарелли это Джорджоне; Утренняя звезда это Венера; Цицерон это Туллий.* Среди лингвистов эта мысль основывается по преимуществу на наблюдениях над предложениями тождества настоящего времени, взятыми в отвлечении от контекста и конкретной ситуации.

Положение об обратимости имен может быть интерпретировано только в логическом, но не в коммуникативном и даже не в синтаксическом смысле. Из него не следует,

---

¹⁴ Обращая внимание на постоянно возникающие противоречия между формой и содержанием в языке, А. М. Пешковский писал: «Такие противоречия, конечно, неизбежны, раз одну и ту же мысль можно выразить двумя способами и раз выбор того или иного способа производится, как всякий грамматический выбор, полусознательно» (А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 229).

¹⁵ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 229; И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 10.

что «рокировка» возможна в контексте. Расположение именных выражений непосредственно отражает коммуникативное задание. В доглагольной (тематической) позиции обычно находится имя, относящееся к предмету речи, часто данному в непосредственном наблюдении или знании, а имя, апеллирующее к прошлому опыту или периферийному знанию и предназначенное для того, чтобы его актуализовать, ввести в фокус, составляет сообщаемое, т. е. при нормальном расположении слов помещается в послеглагольной позиции.

Зависимость расположения имен от коммуникативной перспективы высказывания можно показать на следующем примере из «Вадима» Лермонтова. Закljučая рассказ о предательстве друга своего отца, Вадим спрашивает: — *Но кто, ты думаешь, кто этот нежный друг?* и получает следующий ответ: — *Я отгадала! воскликнула молодая девушка, подойдя с твердостью к Вадиму: я поняла тебя ... это Борис Петрович.* В этом последнем предложении «отправным пунктом» служит герой рассказа Вадима («нежный друг»), он находится «в предмете» разговора. В последующем авторском тексте термины инвертируются: *Палицын был тот самый ложный друг, погубивший отца юной Ольги* (Лермонтов). Инверсия вызвана тем, что герой авторского повествования уже сам Палицын, который отождествляется с некоторым персонажем, извлеченным из рассказа Вадима, представляющего собой экскурс в период, предшествующий началу повести. Итак, в первом предложении сообщаемым является имя собственное (*Борис Петрович*), ср. *Этот «нежный друг» был Борис Петрович*, а во втором высказывании это имя превращено в субъект сообщения, ср. *Борис Петрович Палицын был тем самым ложным другом*. Первое высказывание проспективно: оно перекидывает мостик из прошлого в настоящее, второе ретроспективно: оно связывает настоящее с прошлым.

Коммуникативное неравноправие термов в утверждениях тождества с очевидностью выявляется в сообщениях с глаголом *оказываться*, а также в высказываниях несвязочного типа, например, с глаголом *узнавать*. Ср. *Этот незнакомец оказался Петей* при невозможности **Петя оказался этим незнакомцем; В незнакомце мы узнали Петю* при невозможности в той же ситуации *В Пете мы узнали незнакомца*.

Если второй член предложений тождества развернут в придаточное предложение, содержащее напоминание о предшествующем знакомстве, его обычно вводит местоименение идентификации *самый* — *тот самый, который; тот же самый, который*. Ср. *Он [Иван Иванович] сшил ее [бекешу] тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя (Гоголь); — Вязать его! это тот самый, который украл у доброго человека кобылу (Гоголь); Эге! — вспомнил он: — да никак это та самая тряпка, которую я насилу сбыл перед тем, как патент покупать! да! она самая и есть (Салтыков-Щедрин)*. В последнем примере содержится формула подтверждения идентичности; ставящая связку в ударную позицию: *она самая и есть*.

Таким образом, русский язык стремится тем или другим способом формально различить имена, входящие в предложения тождества, обнаружить их коммуникативное неравенство.

Мысль об изофункциональности имен в предложениях тождества справедлива лишь в отношении тех случаев, когда речь идет в равной степени о двух объектах (обычно лицах), и затем констатируется факт их идентичности. Только в этих условиях возможно объединение двух имен в позиции подлежащего. Ср. *Мой учитель математики и твой партнер по теннису одно и то же лицо*. Подобная ситуация особенно часто возникает при установлении номинативного тождества, т. е. тождества двух языковых выражений относительно одного денотата. Не случайно поэтому такие предложения легко трансформируются по типу: *Декарт это (и есть) Картезиус → Декарт и Картезиус это одно и то же (лицо); Зеленушки это (и есть) черные грузди → зеленушки и черные грузди это одно и то же*.

В подавляющем большинстве случаев, однако, контекст и ситуация не позволяют безболезненно для целей коммуникации маневрировать именами внутри предложений тождества.

* * *

Все сказанное заставляет с большей осторожностью отнестись к мысли о грамматической (а не только коммуникативной) однородности идентифицируемых выражений.

Наблюдаемая во многих случаях симметричность и обратимость имен затрудняют, как известно, синтаксический анализ предложений тождества.

Отсутствие достаточных формальных оснований для выбора подлежащего из двух номинативов привели одних лингвистов к отказу от самих этих поисков¹⁶, другие ученые, напротив, выделяют в структуре предложений тождества два подлежащих при одном сказуемом — глаголе *быть*¹⁷. Эта вторая точка зрения поддерживается тем, что оба имени в предложениях тождества обладают признаком референтности, характерным для подлежащего.

Как было показано выше, при актуальном членении предложений тождества одно имя составляет в них тему сообщения, а другое образует его рему. Если бы тема и рема различались между собой только порядком слов и просодическими чертами, можно было бы остановиться в синтаксическом анализе на стадии актуального членения, и считать, что подлежащее и сказуемое не выделены в формально-грамматическом составе предложений тождества. Однако против этой точки зрения имеются контраргументы. Так, одно из имен может быть в предложениях тождества преобразовано в творительный падеж, нарушая этим симметрию термов. Это побуждает говорить уже не только о коммуникативном, но и о грамматическом неравноправии имен. Более того, нередко, а в некоторых условиях регулярно, в творительном падеже стоит не рема, а как раз тема высказывания, т. е. актуальное членение предложения не совпадает с его грамматическим оформлением. Ср. *Этим ребенком был я; Неужели тем прохожим были вы?*

¹⁶ Так, М. И. Стеблин-Каменский пишет по поводу предложений тождества: «Специфика таких предложений, очевидно, в том и заключается, что выражение предикативного отношения, т. е. то, что составляет сущность сказуемого, оторвалось в них от сказуемого и что, поэтому, вместо подлежащего и сказуемого в них есть только два главных члена, из которых ни один не является ни подлежащим, ни сказуемым, несмотря на наличие предикативного отношения между этими членами» (М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. «Вестник ЛГУ», 1956, № 20, стр. 136). К. Берка также считает, что в этом случае нет никакого смысла говорить о субъекте и предикате в лингвистическом, хотя и не психологическом, смысле (К. Берка. Указ. соч., стр. 173). Критические замечания по поводу этой точки зрения см. в статье: В. Г. Адмони. О предикативности. «Уч. зап. ЛГПИ», 1957, т. XXVIII, вып. 2, стр. 35).

¹⁷ И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 12.

Для того чтобы приблизиться к пониманию грамматической структуры предложений тождества, посмотрим, на каких признаках принято основывать синтаксический анализ субстантивных связочных предложений симметричного типа.

Анализ этих предложений обычно опирается на два признака: возможность постановки одного из имен в творительный падеж и согласование связочного глагола. Первый признак выделяет сказуемое, второй — подлежащее. В большой группе связочных предложений, относящихся к настоящему времени, нет и не может быть ни одного из этих признаков. В предложениях, в которых фигурирует связочный глагол не настоящего времени, обязательно присутствует фактор согласования, но оба имени могут быть в именительном падеже, поскольку согласование связки обязательно, а творительный падеж предикатива — факультативен. В этой категории связочных предложений представлены два случая: 1) одно из имен может без нарушения коммуникативного значения быть поставлено в творительный падеж, ср. *Вошедший был наш сосед Коля* → *Вошедшим был наш сосед Коля*; 2) ни один из именных членов предложения не может быть преобразован в творительный падеж, ср. *Это был Коля*.

В предложениях, вводимых указательным местоимением среднего рода — *это, то*, глагол, как известно, согласуется с последующим существительным, которое в этих условиях не может быть поставлено в творительный падеж, поскольку один и тот же элемент не может объединять формальные признаки подлежащего (согласование со связкой) и сказуемого (творительный предикативный). Не допускает трансформации в творительный и местоимение *это*, даже когда оно употреблено анафорически и скрывает за собой сказуемое, хотя и не рему. Ср. *Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит. — Я желаю, чтобы э т о были вы (Лермонтов) = я желаю, чтобы этим человеком были вы = я желаю, чтобы убиты были вы; — Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку; — так э т о были вы! И вы не узнаете меня? (Пушкин) = тем человеком, с которым я обвенчалась, были вы.*

Таким образом, признак согласования, выделяющий подлежащее, имеет более широкую зону присутствия, чем признак творительного падежа, выделяющий сказуемое.

А. М. Пешковский в конечном счете основывал грамматический анализ именно на этом признаке. «Ассоциация с творительным предикативным не решает дела, — пишет А. М. Пешковский, — так как сам этот признак может противоречить в известных случаях признаку *согласования связи*, для нас важнейшему, основному» (курсив А. М. Пешковского)¹⁸. В предложениях типа *Это был стол он считал подлежащим стол, а сказуемым это*¹⁹. Выбор критерия отражал стремление Пешковского подчеркнуть специфику собственно грамматического разбора предложения, противопоставив его анализу логическому и психологическому (об этом Пешковский пишет прямо²⁰) и даже семантическому. Ведь дейктическое местоимение не может по своей семантической природе быть сказуемым. Между тем, такой грамматический анализ, очищенный от содержательных категорий, быстро попадает в круг. Так, если правила согласования сказуемого формулируются по отношению к подлежащему предложения (сказуемое согласуется с подлежащим), то подлежащее, утратив логические, психологические, семантические и коммуникативные признаки, может быть определено только как то, с чем согласуется сказуемое. Ср. у Пешковского: «подлежащее и есть как раз то, с чем согласуется глагол или связка»²¹.

Отдаленность такого анализа от содержательной стороны предложения можно показать на следующих примерах. Разбирая отрывок из «Полтавы»

... три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;

Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой...

¹⁸ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 235.

¹⁹ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 235; см. также: К. Ebeling. Subject and predicate, especially in Russian. 's-Gravenhage, 1958.

²⁰ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 234.

²¹ Там же.

Пешковский пишет: «Для нас, конечно, в сочетании *первый клад* была *честь* подлежащее будет *честь*, а в сочетании *второй клад* был *честь дочери* подлежащее будет *клад*, и аналогично — во всех остальных примерах»²². В предложении *Свадьба Наташи* [...] было последнее радостное событие в старой семье Ростовых (Л. Толстой) Пешковский считает подлежащим *событие*, а сочетание *свадьба Наташи* сказуемым²³. Такой анализ противоречит соотношению значений имен: эмоционально-оценочное значение всегда стремится занять место сказуемого, а существительное с конкретной референцией (*свадьба Наташи*) при таком партнере, естественно, помещается в позицию подлежащего, хотя соотношение темы и ремы в высказывании может быть обратным (ср. *Этим последним радостным событием была свадьба Наташи*).

Распределение имен по синтаксическим позициям подлежащего и сказуемого всегда учитывает их логико-семантическое соотношение: более признаковое существительное тяготеет к функции сказуемого, более конкретное (предметное) имя, напротив, помещается в позицию подлежащего. Главные члены связочного предложения организуются соотношением значений имен. Между тем нормы согласования в известной степени определяются не содержательной стороной предложения, т. е. не значениями имен, а их формальными характеристиками. Глагол часто ориентируется либо на маркированное в оппозиции по роду и числу имя²⁴, либо на ближайшее по своему расположению существительное²⁵. В этих случаях фактор согласования перестает быть показательным для синтаксической структуры предложения.

Правила употребления творительного падежа в силу факультативности этого явления, имеют иной, менее формальный характер. Употребление творительного не всегда, однако, соответствует коммуникативной организации предложения. Каково бы не было размещение коммуникативных функций, творительный падеж неприемлем для личных местоимений, особенно первого и второго лиц. Нельзя сказать *Неужели тот ребенок был мною (тобой)? Неужто тот прохожий был вами?* Надо: *Неужели тем*

²² А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 234.

²³ Там же.

²⁴ И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 15.

²⁵ Предположение И. И. Ковтуновой.

ребенком был я (ты)? Неужто тем проходим были вы? Актуальное членение таких предложений не совпадает с их грамматическим составом: их рема соответствует именительному падежу личного местоимения, а тема — оформленному творительным падежом существительному. То же относится, хотя и не столь строго, к именам собственным, избегающим творительного падежа.

Указанное ограничение на употребление творительного падежа касается именно предложений тождества. Оно связано, с семантической природой термина. Касаясь функции творительного в субстантивных связочных предложениях, А. М. Пешковский указывал, что «этот оборот [...] всегда следует за логическими отношениями и им прямо можно пользоваться для быстрого отыскания видового и родового понятий»²⁶. Если принять эту точку зрения, а также согласиться с тем, что основным признаком подлежащего в конкретном связочном предложении является референтность имени со стороны содержания и именительный падеж со стороны формы, то надо, по-видимому, считать подлежащим связочных предложений тот их член, который не может быть преобразован в творительный падеж²⁷, т. е. в конкретных предложениях референтное имя, в предложениях, выражающих отвлеченное суждение, имя, соответствующее видовому понятию. Однако в предложениях тождества оба имени референтны и равны по своему денотативному содержанию, хотя их смыслы могут различаться по объему. Если считать, что творительный есть знак нереферентности имени, то в предложениях тождества он не должен был бы присутствовать вообще. Между тем он в них употребляется. Причем его употребление, как было отмечено, следует определенным закономер-

²⁶ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 234.

²⁷ Л. П. Старосельцев предлагает различать подлежащее и сказуемое в предложениях тождества, к которым он относит все связочные предложения симметричного типа, путем преобразования именительного падежа одного из существительных в творительный (Л. П. Старосельцев. Указ. соч., стр. 33). В предложениях, в которых оба имени допускают такую замену (ср. *Мой приятель был инженером* и *Инженер был моим приятелем*), автор видит «глубокую нейтрализацию» различий между составами предложения, затрагивающую и уровень содержания и уровень выражения одновременно. Такое заключение не совсем справедливо. В нем не приняты во внимание различия в референции имен, делающие указанные предложения различными по смыслу.

ностям. Оно не согласуется с коммуникативным членением высказывания, но зависит от природы номинации.

Творительный падеж не может оформлять в предложениях тождества личные местоимения, относящиеся к участникам коммуникации. Это связано не только с их асемантичностью, не только с тем, что участники разговора всегда принимаются за данное, исходный пункт сообщения, а не как нечто, извлекаемое из недр памяти или периферии знания. Гораздо важнее другое: местоимения 1-го и 2-го лица и имена собственные суть символы субстанционального единства личности, ее константной сущности, в то время как имена нарицательные (дескрипции) как бы обозначают разные ее аспекты или ипостаси.

В предложениях тождества творительный может характеризовать тот терм, который относится к преходящему состоянию личности, ее эпизодическому «воплощению», а именительный скорее связывает себя с термом, символизирующим константу. Такое понимание творительного в предложениях тождества согласуется с точкой зрения Пешковского, который писал: «Стоит же нам изменить содержание понятий или вещественные условия речи так, чтобы предикативное имя могло стать во временные отношения к подлежащему, — и творительный станет возможен: если предположим переименование Москвы, то можно сказать *столица была тогда Москвой* (ср. *Ленинград был еще тогда Петроградом*); если допустим переселение душ, то можем сказать *этот человек был им* и т. д. Ясно, что именительный обозначает вневременное тождество, а творительный — временное»²⁸.

Так, встретив на маскараде клоуна и узнав его, мы могли бы сказать *Этим клоуном был мой сослуживец*. Предположим мы сказали бы иначе: *Этот клоун был моим сослуживцем*. Такое высказывание могло бы навести на мысль, что говорящий является цирковым партнером клоуна, т. е. что «клоунада» составляет нечто большее, чем маскарадный костюм идентифицируемого лица.

Предложения тождества, в которых термы соединены глаголом *оказываться* обладают иной смысловой организацией. В них подлежащим обозначается объект в его данности, актуальном состоянии, а творительным — объект в том виде, в каком он извлечен из прошлого опыта.

²⁸ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 229.

Ср. *Дама в малиновом берете оказалась Татьяной Лариной* и *Дамой в малиновом берете была Ташьяна Ларина*; *Этот счастливый рыбак оказался хазарским ханом Ратмиром* и *Этим счастливым рыбаком был хазарский хан Ратмир*. Предложения с глаголом *оказываться* в семантическом отношении аналогичны предложениям с глаголом *узнавать*, в которых также противопоставлено актуальное состояние объекта его прошлой ипостаси, принимаемой за константу. Ср. *В клоуне он узнал своего сослуживца*. *В счастливом рыбаке Руслан узнал хазарского хана Ратмира*.

Колебания в употреблении творительного падежа в предложениях тождества с глаголом *быть* являются результатом контаминации с предложениями с глаголом *оказываться*, в которых творительным регулярно отмечен терм, вскрывающий «личностную константу», Ср. *Этот человек оказался Петей* и *Этот человек был Петей* вместо правильного: *Этим человеком был Петя*.

Итак, проникая в предложения тождества, творительный падеж, в сущности, их разрушает, делает семантически аналогичными предложениям субъектно-предикатного склада, выражающим отношения признака и его носителя. Утратив формальную симметрию, термы утрачивают и семантическую гомогенность. Подлежащее и сказуемое могут быть выделены в предложениях тождества в той степени, в какой один из их членов обозначает нечто вроде временного воплощения, или «предметного состояния» объекта и оформляется или может быть оформлен творительным предикативным. В строгом и собственном смысле предложения денотативного тождества, т. е. предложения идентификации, лишены подлежащего и сказуемого, хотя они членятся на тему и рему.